ACADEMIA DE ŞTIINŢE A MOLDOVEI
INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă _ **vol. VII** _ **nr. 1–2**

CHIŞINĂU 2011

ПАРАДНЫЕ ДИАДЕМЫ И ВЕНЦЫ X–XV ВВ. В ПАМЯТНИКАХ ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ. ОБЩИЕ ЧЕРТЫ И МОМЕНТЫ ОТЛИЧИЯ

Светлана РЯБЦЕВА, Кишинэу

Diademe de gală şi coroane din sec. X–XV în monumentele din Europa de Est şi Sud-Est. Asemănări şi deosebiri. *Prezentul articol este consacrat diademelor medievale descoperite în spațiul Carpato-Balcanic şi comparării lor cu tipurile similare din Europa de Est. În sec. X-XIV în Balcani s-au înregistrat diademe, realizate sub nemijlocita influență bizantină. În Europa de Est diademele executate în tradiția bizantină sunt documentate de obicei în monumentele datând din sec. XII-XIII. În sec. XII-XIII în spațiul analizat apar şi piese de podoabă de acest fel realizate sub influența vest-europeană. În sec. XIII-XV tradiția iconografică din spațiul Carpato-Balcanic atestă trecerea de la diademele joase la coroane înalte şi diademe-acoperăminte de cap înalte în formă de turn, ce par a fi compuse din câteva rânduri de coronițe suprapuse. Imaginile coroanelor sunt reprezentate şi în monumentele de artă post mongole din Rusia. În siturile arheologice din spațiul Carpato-Balcanic din sec. XIV-XV sunt reprezentate tipurile specifice de diademe, compuse din verigi flexibile şi adesea prevăzute cu multiple lanțişoare şi pandantive. Pandantivele pentru podoabele festive de cap, ce-şi găsesc apropiate analogii cu piesele din siturile spațiului Carpato-Balcanic, sunt prezente şi în vestimentația prințeselor şi țarinelor ruse, la fel şi în ferecăturile prețioase ale icoanelor. Totodată, tipul de coronițe decorate cu franjuri în partea frontală, specific pentru perioada vizată în spațiul Carpato-Balcanic, în teritoriul Europei de Est nu este atestat. Astfel, în pofida multitudinii de seturi de podoabă ale populației din Europa de Sud-Est şi Est, se remarcă un şir de trăsături specifice, determinate de tendințele generale în evoluția artei bijuteriilor în perioada evului mediu dezvoltat şi tardiv.*

Статья посвящена рассмотрению находок средневековых диадем в Карпато-Балкаском регионе и сопоставлению их с аналогичными типами украшений из Восточной Европы. На Балканах с X по XIV в. фиксируются находки диадем, выполненных под непосредственным византийским влиянием. В Восточной Европе, диадемы, исполненные в византийских традициях, представлены в основном в памятниках XII–XIII вв. Кроме этого в XII–XIII вв. в рассматриваемых регионах получают распространение изделия, выполненные под западноевропейским влиянием. В XIII-XV вв. изобразительная традиция Карпато-Балканского региона фиксирует переход от низких диадем к высоким башнеобразным уборам, состоящим как бы из нескольких ярусов диадем, а также к высоким коронам. Изображения корон представлены и в послемонгольских художественных памятниках Руси. В археологических памятниках Карпато-Балканского региона XIV–XV вв. встречаются специфические типы диадем, составленных из гибких звеньев и зачастую снабженных многочисленными цепочками и подвесками. Подвесные украшения к головным уборам, имеющие весьма близкие аналогии в памятниках Карпато-Балканского региона, представлены и в одеяниях древнерусских княгинь и цариц, а также в драгоценных прикладах икон. В то же время, сам тип диадем, зачастую декорированный длинной бахромой в налобной части, типичный в этот период для памятников Карпато-Балканского региона, на территории Восточной Европы нам не известен. Таким образом, при всем своеобразии ювелирных уборов населения Юго-Восточной и Восточной Европы, отмечается и ряд общих черт, определяемых общими тенденциями развития европейского ювелирного дела периода развитого и позднего средневековья.

Diadems and crowns X–XV centuries from the monuments of Eastern and Southeastern Europe. The moments of similarities and differences. *The article considers the findings of the medieval diadems in the Carpathian-Balkan region and compares them with similar types of ornaments from Eastern Europe. There are some findings of the diadems made under direct Byzantine influence at the Balkans from X to XIV centuries. In Eastern Europe some diadems executed according to the Byzantine tradition are represented mainly among the monuments of XII–XIII centuries. In the XII–XIII centuries in these regions a distribution of the decorations made under the Western European influence. The pictorial tradition of Carpathian-Balkan region fixes the transition from low diadems to high towering headdress consisting of at least several layers of diadems, as well as to the high crowns in XIII–XV centuries. Some pictures of crowns were represented in the Russian fine monuments dated back to the period after the Mongol invasion too. In the archeological sites of the Carpathian-Balkan region specific types of diadems made up of flexible links are often equipped with multiple chains and pendants in XIV–XV centuries. Hanging decorations to headwear having a very close analogy among some monuments of the Carpathian-Balkan region are represented in the garments of ancient queens and princesses of Moscow Russia as well as in precious icons ornaments. At the*

Revista Arheologică, serie nouă, vol VII,. nr. 1-2, 2011, p. 72-95

same time the very specific type of diadems was often decorated by a long fringe at the forehead that was typical but unknown one for the monuments of the Carpathian-Balkan region in Eastern Europe during this period. Thus, for all the peculiarities of jewelry dresses in the South-Eastern and Eastern Europe are marked a number of similarities defined by general trends of European jewelry for the period of developed and the late Middle Ages.

Key words: *Carpathian-Balkan region, Eastern Europe, Byzantine tradition, Western European influence, diadem, medieval jewellery.*

Находки деталей средневековых головных уборов в археологических памятниках Карпато-Балканского региона, достаточно разнообразны. Наше представление о характере парадного головного убора помогает дополнить и изучение произведений изобразительного и прикладного искусства. В рамках данной работы мы бы хотели отдельно остановиться на находках парадных головных уборов – диадем, а также некоторых типов венцов, выполненных из драгоценных материалов, и происходящих в основном из кладов. Кроме того, целью исследования является и сопоставление подобных украшений с аналогичными изделиями, известными с территории Восточной Европы. При этом мы оставляем в стороне другие типы средневековых парадных головных уборов, такие как стеммы, шлемы, шапки, шляпы, не рассматриваются нами и венцы, составленные из небольших тисненных бляшек, наиболее характерные для находок из погребальных памятников.

Диадемы относятся к числу украшений, имеющих весьма длительную историю развития. Собственно диадемами (διαδημα - повязка греч.) (Фасмер 1986, 512) могут быть названы парадные и церемониальные украшения, подчеркивающие социальный статус их носителя. Более широко были распространены простые девичьи и женские венцы, носившиеся представительницами разных слоев общества, а также использовавшиеся в качестве свадебного головного убора – coroană (рум.), венец, коруна (рус.), венац, почелица (македон, сербск., хорватск), венец, прочельник (болг.), чільце, вінчик (укр.) (Лукина 1974, 257; Ђоровић-Љубинковић, Милошевић, Татић-Ђуровић 1969, кат. 288; Ерцеговић Павловић 1979, 281; Maneva 2001, 405; Григоров 2007, 76; Возний 2008, 49). Кроме металлических были популярны и венцы из органических материалов. Встречаются венчики из ткани, кожи, бересты, подчас украшавшиеся нашивными бляшками, бусами или бисером. Что касается изобразительных сюжетов и мотивов, представленных на диадемах и венцах, то они зачастую несли и семантическую, охранительную нагрузку.

Несколько слов об истории данного типа украшений. В Древней Греции диадемы являлись в основном принадлежностью женского убора. Известны разнообразные варианты греческих диадем (гладкие лентообразные, плоские диадемы с тисненым орнаментом зачастую в сочетании со сканным узором и центральным украшением в виде фронтона, диадемы - цепочки с крупным кабошоном в средней части). В эпоху поздней классики и в период эллинизма весьма популярны роскошные диадемы, украшенные в налобной части изображением гераклового узла (Уильямс, Огден 1995, 36). Подобные диадемы дополнительно декорировали фигурками божеств и фантастических животных, драгоценными камнями и подвесками на цепочках (Davidson 1966, 50-65).

Считается, что в римском парадном уборе белая повязка-диадема, расшитая жемчугом, появляется в результате влияния персидской культуры при императоре Диоклетиане (Барсов 1883, 1-35; Кондаков 1892, 217; Макарова 1975, 4). Диоклетиан возложил на себя в 303 г. диадему как знак императорского достоинства. До этого диадему римские императоры иногда надевали в качестве домашнего убора, на людях в диадеме впервые появлялся Аврелиан. Начиная с Аркадия (395 – 408) византийские императоры изображались в диадемах, расшитых жемчугом, завязанных на затылке шнурками, ниспадающими на шею. Судя по изображениям детей императоров, в их обиходе еще сохраняется античная традиция ношения в качестве парадного головного убора золотого лаврового венка (Кондаков 1892, 26-28).

В византийском церемониальном обиходе белая лента была сменена на пурпурную повязку, расшитую жемчугом и драгоценны-

ми камнями, а затем (по всей видимости, при Юстиниане) на стемму - στεμμά, сочетавшую в себе металлическую диадему, матерчатую шапочку и возвышавшееся над ней металлическое перекрестие, увенчанное крестом. Венцы же диадемы сохранились в уборе императриц, а также кесаря и приравненных к нему лиц. По бокам лица у подобных парадных головных уборов располагались драгоценные подвески - препендулии (Кондаков 1906, 60).

Первой из императриц в диадеме изображена Елена (мать Константина Великого). В сформировавшемся виде женский церемониальный головной убор мог сочетать в себе пурпурную расшитую шапку, поверх которой располагалась диадема, состоявшая из пластинок, декорированных крупными овальными, зачастую красными и прямоугольными, как правило, сине-зелеными, драгоценными камнями. Диадема была обрамлена рядами жемчуга, средняя пластинка завершалась трилистником или крестом. По бокам лица от головного убора ниспускались подвески препендулии, украшенные в нижней части тремя рубинами (Атанасов 1999, 183).

Византийская традиция ношения церемониальных диадем, зачастую декорированных драгоценными камнями и эмалевыми изображениями, нашла отражение и в памятниках Юго-Восточной, Восточной и Западной Европы. Известно, что византийскими регалиями короновались король Франции Карл Лысый, Венгрии - Геза I, Сербии - Стефан I (Вельтман 1860, 31, 32; Goschew 1966, 145 – 147). Болгарский князь Семион получил от императорского регента Николая Мистика кесарский венец (Иванов 2000, 15). Отдельные экземпляры диадем, выполненных в византийской традиции известны с территории Болгарии, Сербии, Румынии, Венгрии и Украины.

Византийское влияние сказывается в сложении комплекса парадного одеяния представителей знати Карпато-Балканского региона. После принятия Болгарией христианства в 864 в. в дворцовой жизни этой страны происходит переориентация на византийскую традицию, что отражается в костюме и наборе церемониальных украшений. Так же как и в других странах, царские регалии сохранялись в специальных сокровищницах, там же хранились и регалии других стран, полученные в качестве даров и трофеев и использовавшиеся более для демонстрации, чем для ношения (Божилов 1985, 249-251; Андреев 1988, 166; Долмонова-Лукановская 2010, 120).

Материалы фресковой живописи дают представление и о головном уборе болгарской знати. Супруга царя Ивана Асеня II Ирина во фреске церкви Михаила Архангела в Костур (Кастория) представлена в костюме знатной аристократки: голова покрыта головным покрывалом, скрепленным низкой диадемой, отороченной жемчугом, около ушей – наушницы, крепящиеся к диадеме. Одеяние правительницы – далматика (Атанасов 1999, 187). В более позднее время происходит переход от низких диадем к высоким коронам. Так на изображении царицы Ирины, супруги царя Константина Тиха (1257–1277) в Боянской церкви представлена высокая массивная корона, состоящая из трех ярусов-венцом. Нижний – золотой обруч с выступом – пластинкой арочной формы в центре. Пластинка украшена сине-зеленым камнем, обрамленным мелкими рубинами. Пространство между камнями декорировано жемчугом. Жемчужинами оторочена диадема и по краю. Выше расположен следующий более широкий обруч, украшенный изумрудами, между которыми расположены жемчужины. В верхнем ярусе – островерхие зубцы, украшенные драгоценными камнями, обрамленными жемчугом. Жемчужный орнамент создает композицию близкую к розеткам. Волосы закрыты расшитым покрывалом, переданы и серьги с длинными подвесками (Атанасов 1999, 188 обр. 61, табл. III).

Таким образом, рассмотренные изобразительные памятники позволяют констатировать тот факт, что в парадном женском головном уборе представителей знати балканского региона просматривается следование византийской традиции. Фиксируется переход от низких диадем к высоким трехэтажным коронам. В Византии подобные головные уборы представлены уже с XI в. (например, на изображении императрицы Зои в мозаиках Софии Константинопольской) (Даркевич 1975, 160; Лихачева 1981, 154). В XII-XIII вв. высокая корона была позаимствована болгарскими властителями. Подобная тенденция прослеживается и в ма-

териалах, происходящих с территории Сербии. Супруга короля Уроша I изображена (в Сопочане, около 1256 г.) в низкой стемме, а супруга Драгушина – Кателина (в Ариле 1293 г.) и Милутина Симонида (в Студенице 1314 г.) – в высоких трехэтажных коронах с зубцами. Подобные высокие головные уборы изображены на монетах Феодоры Ирины супруги Михаила III (1331-1371) (Атанасов 1999, 190).

В мужском церемониальном уборе также отмечается изменение типов парадных головных уборов. Для XII–XIII вв. характерны диадемы, представлявшие собой золотой обруч с драгоценными камнями (рубинами), носившийся низко на лбу. Подобные головные уборы представлены, например, на монетах царя Ивана Асена II или Константина. В середине XIV в. входят в обиход полусферические короны с жемчужными подвесками препендулиями. Подобная корона представлена, например, изображение царя Ивана Александра в миниатюрах лондонского четвероевангелия (Андреев 1992, 34).

О характере головного убора представительниц болгарской аристократии XIII в. дает представление фресковое изображение жены севастократора Калаяна – Десиславы, сохранившееся в церкви в Бояне. На голове у Десиславы изображена золототканая шапка (забрадка) плотно прилегающая к голове. Поверх шапки – низкая диадема-обруч с пластинками арочной формы, украшенная драгоценными камнями и жемчугом. Головной убор дополняется колтами, крепящимися к жемчужным нитям (Атанасов 1999, 236-238; Мавродинов 1966, 211). Живописный памятник XIV в. – фресковое изображение Анны, супруги деспота Михаила в церкви в Долна Каменица – дает представление о несколько ином парадном головном уборе. В данном случае диадема состоит из зубчатых пластинок с острым треугольным верхом, декорированных драгоценными камнями и жемчугом (Мавродинова 1969, 6). Таким образом, при изображении представительниц болгарской знати достаточно четко переданы диадемы со щитками двух типов – округлыми арочными и острыми зубчатыми.

Обратимся теперь к наиболее показательным археологическим памятникам. Подборка парадных украшений, связанных с византийской традицией происходит из знаменитого Преславского клада. Однако клад был найден не на территории самого столичного центра, а в местности «Костана» неподалеку от Преслава, при археологическом исследовании жилища земляночного типа (Атанасов 1999, 224). Землянка располагалась на территории селища IX-X вв., погибшего в огне пожара, клад был сокрыт в печке каменке (Павлова 2007, 5). Комплекс содержит серебряные монеты Константина VII и Романа II (945–959). Можно только предполагать, какие драматические события предшествовали сокрытию драгоценностей дворцового уровня в печке землянки. Согласно одной из версий, причиной мог послужить дунайский поход древнерусского князя Святослава (Тотев 1986, 86; 1993, 102; Атанасов 1999, 224). Клад содержит диадему, ожерелье, серьги и височные кольца, перстни, медальоны, пуговицы, нашивки, часть сервиза для хранения и другие мелкие предметы. Многие вещи украшены эмалью и жемчугом. Знаменитая преславская диадема состоит из золотых пластинок арочной формы размером 5,4х4,4 см. и украшена эмалями нескольких оттенков синего, зеленого, красными, желтыми и белыми (Тотев 1986, 86; 1993, 102) (рис. 1,1).

На центральной пластинке изображена сцена Вознесения Александра Македонского. Он изображен на колеснице, по бокам его грифоны, которых он приманивает кусками мяса на жезлах. На голове Александра – стемма. По бокам от пластинки с Александром расположены две пластинки с грифонами и две с крылатыми львами. Львы смотрят в разные стороны, грифоны в одну, возможно, было еще две пластинки с грифонами, смотрящими в другую сторону, а также боковые трапециевидные пластинки, как на диадемах, найденных в Древней Руси (Тотев 1993, 103, обр.1) (рис.1,1а). Сюжет с «Вознесением Александра Македонского» был наиболее популярен в Византии во время правлении Македонской династии, при этом император Константин VII Багрянородный выводил свою генеалогию напрямую от Александра Македонского (Успенский 1977, 12). Пластинки из Преслава по всему периметру края пробиты небольшими отверстиями. По всей видимости, диадема была изначально нашита на матерчатую основу, возможно, на шапочку.

Мнения болгарских исследователей относительно места изготовления и способа ношения данного изделия разделились. Так Т. Тотев предполагает, что диадема была изготовлена в преславской дворцовой мастерской (Тотев 1993, 110). По мнению П. Георгиева, диадема была изготовлена в константинопольской мастерской в середине X в., как дарственная корона для одного из болгарских владетелей. Он считает, что диадема была поднесена Императором Никифором II Фокой (963-969) болгарскому престолонаследнику Борису II по поводу его освобождения из византийского плена и была нашита не на тканую ленту, а на высокую мягкую шапку типа тиары или тюрбана (Георгиев 1996, 83-84). Однако, по справедливому замечанию Г. Атанасова, подобные высокие шапки и тюрбаны в болгарском костюме появляются только с XIII в. (Атанасов 1999, 227). По мнению данного исследователя, клад представляет собой женский гарнитур, выполненный в едином стиле, при этом диадема, возможно, была нашита на тканую ленту. В декорировке убора, вероятно, могла использоваться и жемчужная нить.

Действительно, судя по тому, что в кладе содержатся роскошные предметы женского убора (ожерелье, серьги, пуговицы), также обильно декорированные эмалями, преславская диадема могла входить в состав женского церемониального убора. Однако, хотя стиль эмалевого декора украшений из Преславского клада и демонстрирует некоторые черты сходства, однако, по нашему мнению, входившие в него вещи могли быть исполнены несколькими мастерами. При этом, среди всей подборки изделий именно рассматриваемая диадема отличается по характеру цветовой гаммы (с преобладанием оттенков синего, фиолетового и красного цветов). К характерным особенностям почерка мастера, создавшего диадему можно отнести также дробность и прихотливость рисунка, обилие живописных криволинейных перегородок, разделявших красочные включения. В отличие от декора диадемы, в эмалевых вставках ожерелья преобладают зеленые и синие оттенки, красный встречается лишь в виде редких вкраплений. Цвет эмалей более яркий и насыщенный. При этом рисунок суше и менее дробный, чем на диадеме. Характер декора роскошных серег близок к представленному на ожерелье, но не идентичен. Иконографическая программа декора серег, декорированных изображениями птиц и кринов, по всей видимости, сходна с представленной на ожерелье, где подобные сюжеты сочетается с повторенным дважды изображением Богоматери Оранты (Павлова 2007, 5 – 15).

Находкой из Преслава в Болгарии ограничивается число диадем бесспорно византийского круга. Однако, с византийской традицией может быть связан ряд находок венцов, собранных из миниатюрных пластинок. Например, в Плиске в погребении № 31 (ребенка 2-3 лет), датируемом X - первой третью XI в. представлены три круглые серебряные позолоченные тисненые пластинки, декорированные изображением розеток, разделенные четырьмя мелкими бронзовыми бусинками. По обе стороны от черепа погребенного располагались миниатюрные серебряные перстневидные колечки (Дмитров 1995: 42-70).

Из археологических памятников Болгарии известен целый ряд диадем, относящихся к XIV в. В кладе, найденном у села св. Петр была обнаружена золотая диадема, собранная из треугольных пластинок декорированных изображениями фантастических животных (львов и коронованных змеев) (Атанасова 1980, 20-26). Несколько фрагментов от трех сходных диадем, но составленных из пластин ромбовидной и треугольной формы и декорированных растительным узором хранится в фондах Исторического музея в Софии без указания точного места находки (Григоров 2004, 61; 2007, 78). В ряде случаев пластинки этих диадем соединяются при помощи шарнирного крепления. Аналогичная диадема была найдена в женском захоронении у крепости Демир Копия в Македонии (Maneva 2001, 404, fig.1). Характерной чертой этих изделий является то, что декоративное решение и орнаментация достигается при помощи применения техники тиснения. Все эти диадемы объединяет и на-

Рис. 1. Фрагменты диадем и матрица для тиснения. X–XIV вв. Масштабы разные. 1,1а. – Преслав (Болгария), 2 – Сибница (Сербия), 3 – Пажаровец (Сербия), 4 – Маковиште (Румыния).

личие бахромы из миндалевидных подвесок, расположенных по нижнему краю украшения.

В XIV в. в Карпато-Балканском регионе получают распространение и совершенно новый тип диадем иного облика. Это легко сгибающиеся ленты, состоящие из пластинок с карстами, декорированными цветными камнями и гибких звеньев, украшенных жемчугом. Подобная серебряная позолоченная диадема происходит из того же клада, найденного у села св. Петр в Болгарии, что и золотая диадема с фантастическими животными. Пластинки с драгоценными камнями декорированы в верхней части крестообразными конструкциями также с небольшой цветной вставочкой (Атанасова 1980, 23). Из Никополя также происходит диадема, у которой пластинки, декорированные цветными вставками, разделяются гибкими ленами, собранными из мелких металлических деталей и поясков жемчужин (Димитров 2010, 664, обр. 2).

Диадема несколько иного облика, составленная из 13 звеньев-пластин прямоугольной формы и двух треугольных концевых была найдена у с. Батова совместно с монетами третьей четверти – середины XIV в. (Павлова 2007, 54) (рис.2,1-3). Еще одна серебряная диадема с 12 пластинками, соединенными шарнирным креплением найдена в кладе XIII–XIV вв. у Михайловграда (Александров 1984, 68; Атанасов 1984, 32; Павлова 2007, 68). Общая длина изделия составляет 38 см., таким образом, также как и другие известные экземпляры диадем, оно доходило только до висков. Пластинки таких диадем декорировались тиснеными полусферами и крупными цветными вставками. Находки подобных диадем на территории Болгарии позволяют нам интерпретировать фрагмент аналогичного украшения, происходящего из клада Гогошу в Румынии не как браслет (Popescu 1970, 56, cat. 84, fig. 44) или фрагмент пояса (Dumitriu 2001, 124, cat. 31; taf. 34), а как деталь диадемы (рис.2.9). Для этих изделий характерен элемент полихромии, но он достигается не при помощи использования перегородчатой эмали, а в результате обильного применения вставок. Форма выпуклых шатонов как бы дублируется и в многократном повторении тисненых полусфер.

Таким образом, в Болгарии с византийской традицией, бесспорно, связана диадема из Преслава, относящаяся к X в., для более позднего времени подобные украшения не известны. В XIV в. получают распространение три новых типа диадем, которые могут быть условно обозначены как «диадемы с фантастическими животными» и «диадемы с полусферами и цветными вставками», «диадемы с цветными вставками и гибкими лентами». Для всех типов диадем характерно использование шарнирных креплений. Если диадема из Преслава входит в общеевропейский круг престижных вещей, связанных с византийской традицией (венгерская Корона Константина Мономаха, диадемы из Киева и Сахновки), то в данном случае речь может идти о сложении нескольких специфических типов диадем, характерных именно для костюма населения Карпато-Балканского региона.

О подобной тенденции к сложению специфических типов головных уборов можно говорить и на примере материалов, происходящих с территории восточнороманских княжеств. Кроме того, и в этом регионе, безусловно, ощутимо и византийское влияние на формирование типов парадных головных уборов. В источниках, правда, более позднего времени (в основном XVIII–XIX вв.), сохранились легендарные известия о посещении в 1425 г. императором Иоанном VIII Палеологом княжества Молдовы, а также о поднесении господарю Александру чел Бун богослужебных книг и церемониальных одеяний (в том числе и диадемы/короны). Данный акт закрепляют представление о преемственности власти молдавских господарей и византийских императоров (Elian 1964, 122.163). Необходимо отметить, что на аналогичные цели направлена, например, и московская письменная традиция XVI в. относящая момент присылки регалий («венецъ царский на блюде злате») ко времени правления в Византии Константина Мономаха, а на Руси – Владимира Мономаха (Даркевич 1975, 266).

Вместе с тем, в характере костюма и ювелирного убора представителей знати восточнороманских княжеств достаточно сильно ощущалось и западноевропейское влияние. Так в сцене Деисуса в пронаосе ц. Св. Николая в Аржеше (XIV в.) изображен персонаж (господарь Владислав I?), облаченный в костюм западноевропейского типа. Одеяние, состоящие из

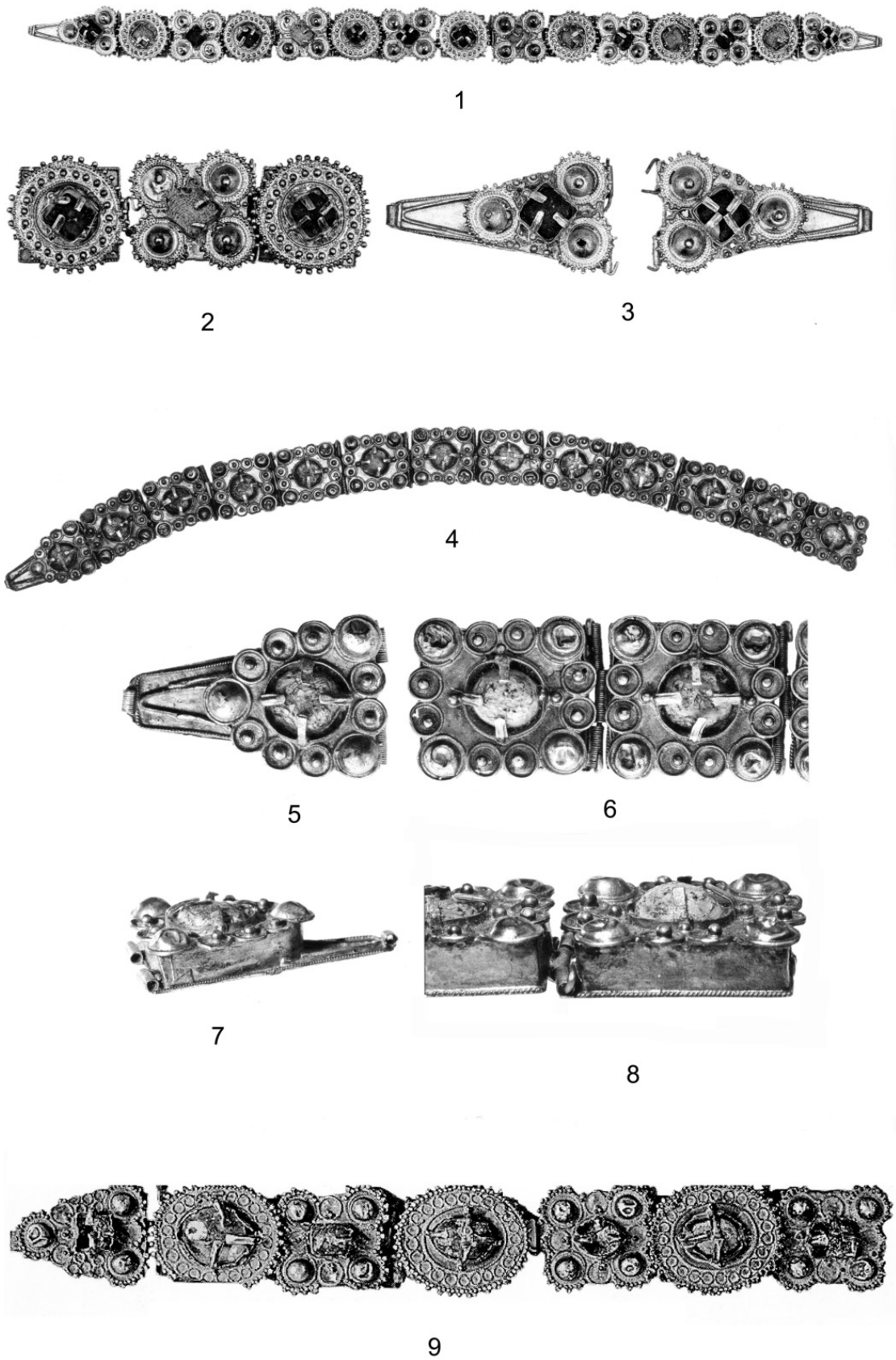


Рис. 2. Диадемы XIV вв. Масштабы разные. 1-3 – Батово (Болгария), 4-8 – Монтана (Болгария), 9 – Гогошу (Румыния) (1-8 по: Павлова 2007; 9 по: Dumitriu 2001).

туники, сходной с французским пурпуэном и узких штанов дополняется короной с низкими криновидными зубцами западноевропейского типа (Constantinescu 1984, 42, fig. 12). С XV в. преобладают изображения господарей в тяжелых длинных одеяниях и высоких коронах. Так в изобразительных памятниках Молдовы со времени Александра чел Бун по время Александра и Богдана Лапушняну изображения господарей в подобных коронах представляют собой непрерывный ряд, отраженный, например, во фресках монастыря Слатины (Elian 1964, 136).

В целом форма мужских и женских корон весьма близка. Однако, женские короны сопровождались подвесками из золотых цепочек, жемчужин и драгоценных камней. В женском уборе короны одевали поверх платавуали белого, розового, голубого или зеленого цвета. Молодые домницы и жупаницы носили не высокие короны, а диадемы с подвесками (Nicolescu 1970, 167-176, fig. 68-78). Головные уборы типа корон переданы в изображениях супруги Штефана чел Маре Марии Войкицы из монастыря Пэтрауць, в изображениях ее дочерей присутствуют низкие диадемы типа лент (Popescu 1975, 69). Корона Войкицы сопровождается длинными подвесками – кистями из драгоценных камней. У девочек к диадемам крепятся недлинные нити, заканчивающиеся округлыми подвесками (вероятно, типа колтов) (Драгуца, Лупан 1983). Во фресках монастыря Воронец в изображениях семьи господаря Штефана чел Маре так же переданы золотые короны, одетые поверх небольших круглых шапочек, во фресках же монастыря Хумор корона Елены надета поверх покрывала и снабжена длинными золотыми подвесками, декорированными драгоценными камнями и жемчугом (Калашникова 2010, 47).

Короны с высокими криновидными зубцами изображены, например, в шитом золотным шитьем покрове Марии Мангупской (1447) и во фреске XVI в. из епископальной церкви в Куртя де Аржеш с изображением Руксандры – дочери господаря Нягое Басараб (Popescu 1975, 70, fig. 1,2). Изображения корон с ажурным завершением и подвесками являлись долгое время каноничным для парадного и церемониального убора, представленного на живописных произведениях и предметах прикладного искусства, выполнявшихся мастерами Карпато-Балканского региона. На подобных изображениях мы сталкиваемся с двумя основными видами подвесок к женским головным уборам – в виде отдельных нитей и в виде кистей.

Среди археологических находок деталей парадных головных уборов с византийским влиянием мы склонны связывать диадему, происходящую из клада XIII-XIV вв. Маковиште (жудец Караш-Северин) (рис.1,4). В этом кладе были найдены четыре тисненые киотообразые серебряные пластинки от диадемы и трехбусинное височное кольцо и четыре перстня. Пластинки от диадемы в центральной части декорированы тисненым схематичным изображением крина, обрамленного фигурками птиц (возможно, павлинов) (Uzum 1983, 515, 516, fig.5; Ţeicu 1998, 156, 157, fig. 38,13; 39,1-2; 2007, 121.127). Диадемы, составленные из киотообразных пластин, являющиеся наследием византийской традиции, характерны для Балканского региона. Так серебряная диадема, собранная из киотообразных тисненых щитков, декорированных изображениями грифонов происходит из Пажаровца (Сербия) (Ђорвиħ-Љубинковиħ 1969, 121, сат. 288) (рис. 1,3). Кроме того в Северной Сербии в Сибнице была найдена бронзовая матрица (размерами 4,4x4,8 см.), предназначенная для тиснения бляшки для диадемы, декорированной фигуркой грифона, расположенного в арке между двумя колонками (Миниħ 1996, 115, сл. 1) (рис. 1,2).

О влиянии европейского искусства эпохи готики свидетельствует найденная в 1980 г. в Горану роскошная золотая диадема, датируемая второй половиной XIII в. Диадема состоит из пяти деталей, декорированных причудливым ажурным орнаментом и крупными карстами для драгоценных камней (рис.3,4). Кроме того, там же была найдена и гладкая золотая диадема, также состоящая из 5 деталей, соединенных шарнирами (рис.3,3). В центре каждой детали – киотообразный зубец с крестиком на вершине. Крестами увенчаны и шарниры (Dumitriu 2001, 125, Taf. 38; Oţa 2007, 129). И гладкая и ажурная диадемы снабжены в нижней части петельками, при помощи которых они могли бы соединяться в единый убор. Од-

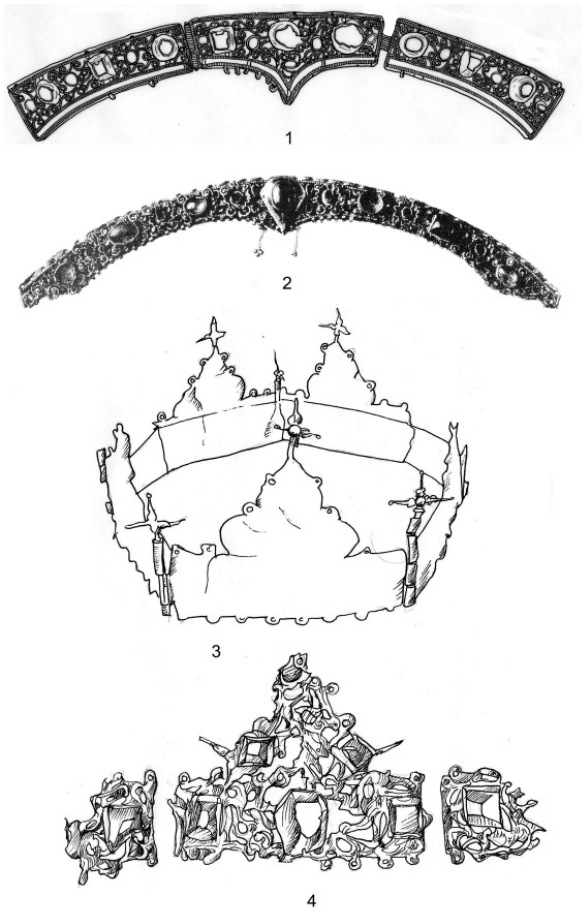


Рис. 3. Диадемы XII–XIII вв. Масштабы разные. 1 – Котнарь (Румыния), 2 – Каменный Брод (Украина), 3, 4 – Горану (Румыния).

нако, при наложении эти петли не совпадают, возможно, в данном случае мы имеем дело с двумя различными изделиями. Судя по их форме, диадемы были не очень удобны для ношения, возможно, они использовались в качестве свадебного убора и их держали над головами новобрачных во время венчания (приношу глубокую благодарность зав. Отделом Драгоценностей Национального Музея Истории Румынии Л. Думитриу за устную консультацию).

По всей видимости, не носилась в качестве головного убора и серебряная позолоченная диадема из Котнарь, датируемая концом XII – началом XIII в. (Popescu 1970, 49, №41). В данном случае мы имеем дело с узким пластинчатым украшением, состоящим из трех частей, соединенных при помощи шарниров и декорированным филигранью и драгоценными камнями (рис.3,1). Наиболее близкой аналогией этому украшению является золотая диадема из Каменнобродского клада, найденная на территории Украины, также относящаяся к концу XII – началу XIII в. (Стерлигова 2000, 157.158, рис. 51). Данная плоская диадема украшена в аналогичной манере драгоценными камнями, жемчугом, сдвоенной сканью и зернью и, скорее всего, служила деталью для убранства большой иконы (рис.3,2). Причем, если развернуть центральным выступом вниз изображение диадемы из Котнарь, сходство будет еще более разительным. По всей видимости, румынская находка также является деталью иконного приклада. В таком варианте представляется и более оправданным размещение уже в нижней (налобной) части диадемы петелек для крепления подвесок или обнизи. Отверстия, пробитые в этом украшении очень грубые, частично они испортили кромку изделия. Возможно, они служили для крепления его к жесткой основе (доске иконы?).

Для памятников Карпато-Балканского региона, датируемых XIII–XV вв. были характерны специфические золотые и серебряные диадемы, составленные из небольших бляшек разнообразной формы (круглых, прямоугольных, киотообразных). Наиболее характерны подобные украшения для кладов Верхнего Подунавья (Олтень, Горану, Жидостица, Гогошу, Ковей) (Popescu 1970, 49-50, cat. 42; Rosetti 1972, 27 – 39; Dumitriu 2001, Taf. 23–27; 41,95), Встречаются аналогичные находки и в Карпато-Поднестровье (Сучава, Скинетя) (Manea 1997, 387-406; Alaiba 2002, 117-179; fig. 10) (рис. 4). Причем в данном случае мы можем вести речь о сложении специфических комплектов ювелирных украшений, характерных именно для рассматриваемого региона. Для данных украшений характерно сочетание диадем, бахромы из цепочек в налобной части и височных подвесок, декорированных в едином стиле. Данные украшения могут быть охарактеризованы как «диадемы с подвесками» или «диадемы с цепочками».

Украшения сходного облика представлены как в памятниках Румынии, так и современной Сербии. Остановимся подробнее на этих находках. Примером комплекта из диадемы, налобных и височных подвесок может служить серебряное украшение, найденное в Банатском Деспотоваце (Сербия) в составе

клада, совместно с 150 монетами XII–XIV вв., несколькими другими украшениями и средневековыми сосудами (Pîrvulescu 1999, 233.234, pl. 1,2, foto 1-3). Диадема состоит из 6 пластинок (прямоугольных основных и каплевидных – конечных), декорированных полусферами, зернью и проволочными нитями. В нижней части к пластинкам диадемы крепятся цепочки, декорированные двумя шариками (в средней и нижней части). Единый комплект с диадемой, по всей видимости, составляют крупные полые каплевидные подвески, располагавшиеся по сторонам лица. Подвески украшены сканью и зернью, к нижней их части прикреплены цепочки, аналогичные тем, что представлены на диадеме (Рябцева 2010, 87, рис. 5).

Аналогичные украшения известны из Брашова, где было найдено пять фрагментов различных диадем и двух височных подвесок, датирующихся XIII в. (Lukács 1998, 151, fig. 5; Lukács 1999, 127, fig. 13, p. 154, fig. 153, 155; Oța 2007, 131). Здесь были найдены трапециевидные пластинки от диадем, декорированные цепочками, заканчивающимися шариками. Представлен и фрагмент диадемы с прямоугольными пластинчатыми звеньями, украшенными крупными шариками, обведенными зерневыми ободками. По краю пластинок – сканно-зерневой декор. Подвески цепочки такие же, как и у киотообразных пластинок. Кроме того, было найдено одно концевое звено от диадемы и подвеска-медальон с цепочкой. Аналогичный медальон известен из клада Олтень (Oța 2007, 137).

Обрывки серебряных позолоченных цепочек, заканчивающихся шариками, декорированными сканью, и одна концевая треугольная пластинка от диадемы, происходят из клада Стрежа-Кэрцишоара (жудец Сибиу, Румыния) (Horedt 1958, 124-127; Popescu 1970, 20.21, fig. 13; Lukács 1998, 145-156; Lukács 1999, 124.126, fig. 12; Oța 2007, 131).

Фрагменты нескольких диадем известно из раскопок господарского некрополя в Куртя де Аржеш. Из слоев второй половины XIII в. происходит сложное украшение, состоящее из цепочек и подвесок, получившее в литературе название «ожерелья Святой Филофтеи». В предлагаемой реконструкции, изделие представляет собой украшение, состоящее из налобной и подбородочной цепочек, а также височных подвесок (Dumitriu 2001, 121, taf. 88). Налобная часть декорирована украшенными зернью подвесками-сердечками, кружками и лунницами. Подвески, располагавшиеся по сторонам лица, украшены кабошонами и цепочками с привесками в нижней части. Безусловно, уникальными являются материалы из раскопок захоронения господаря Владислава I Влайку в некрополе Куртя де Аржеш (Constantinescu 1984, 44, fig. 14). В этом захоронении второй половины XIV в. сохранилась диадема в виде узкой выпуклой полосы, надетая на головной убор типа шапочки, остатки одежд (туники) расшитых золотыми нитками и жемчугом, украшенных золотыми пуговицами и бляшками. Найдены и ювелирные изделия - пояс с массивной роскошной пряжкой в виде готического замка и четыре крупных массивных золотых перстня со вставками из драгоценных камней (Dumitriu 2001, 20-22, 120, Abb. 10, Taf. 28 – 32).

Многочисленные находки диадем известны в кладах Олтении и Мунтении. Из этого региона известны, в том числе, и диадемы с бахромой из цепочек, расположенной в налобной части, аналогично тому, как это представлено на комплекте из Банатского Деспотоваца. Две диадемы содержатся в кладе Жидосица (жуд. Мехеденци), найденном неподалеку от берега Дуная (Oța 2007, 129). Судя по монетному материалу (было найдено 113 монет, относящихся к чеканкам Раду I (1377-1383), Дана I (1383-1386), Мирчи Старого (1386-1418), выпадение данного клада относится к первой половиной XV в. (Dumitriu 2001, 130.131, Taf. 41,95). В кладе также представлены фрагменты двух серебряных позолоченных диадем, семь булавочек для головного убора, шесть трехбусинных височных колец или серег, одна гладкая сферическая пуговка и фрагмент пояса.

От диадемы с цепочками сохранилось 7 киотообразных пластинчатых звеньев соединенных шарнирным креплением. По краю каждого звена – сканная и зерневая кайма, на вершине – три зерневых пирамидки, в нижней части – одна. В центре звеньев – розетчатый сканно-зерневой декор. В нижней части каждой пластинки прикреплено по два кольца, соединяющиеся с проволочными цепочками. Цепочки состоят из двух отрезков. В цен-

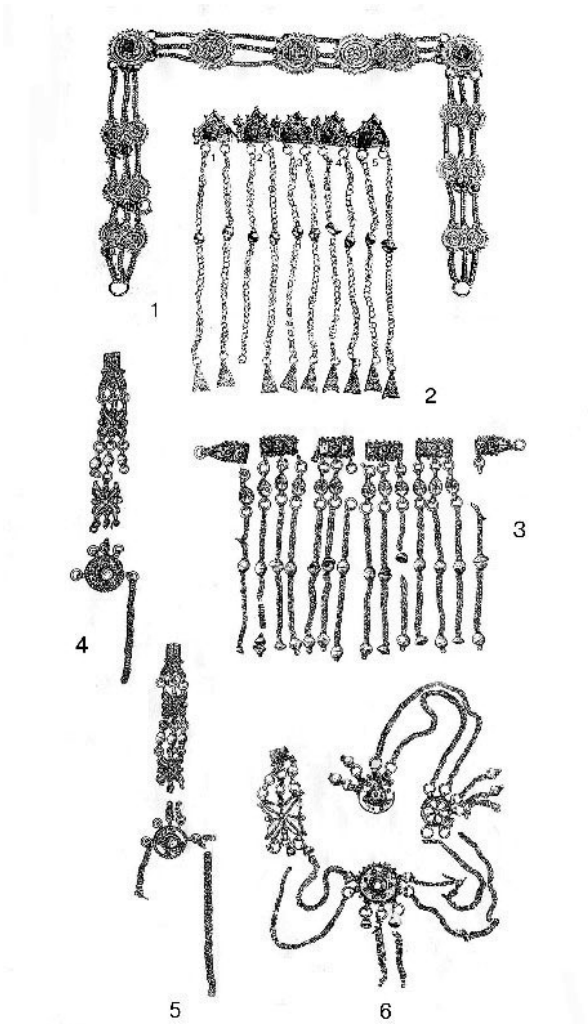


Рис. 4. Диадемы XIII–XV вв. Масштабы разные. 1 – Ковей, 2 – Олтень, 3-6 – Скинетя (1,2 – по Dumitriu 2001; 3-6: по Alaiba 2002).

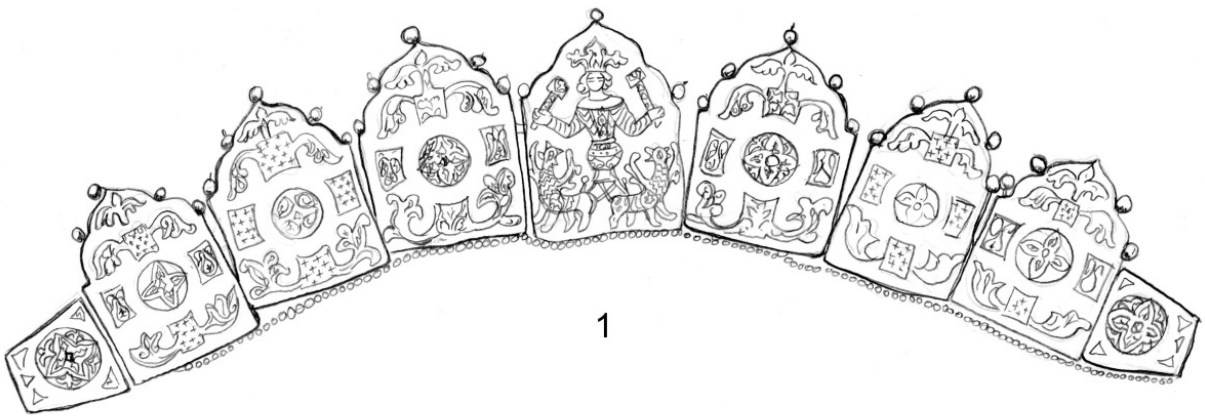
тральной части (в месте соединения отрезков) они украшены шариками, в нижней части – подвесками-лунницами.

У второй диадемы сохранилось 13 прямоугольных пластинок и одна трапециевидная концевая. Пластинки соединены при помощи шарнирного крепления. По краю каждой пластинки – сканный и зерневой декор. Пластинки также декорированы выпуклыми колпачками, украшенными пирамидками зерни. Между пирамидками расположены линии зерни.

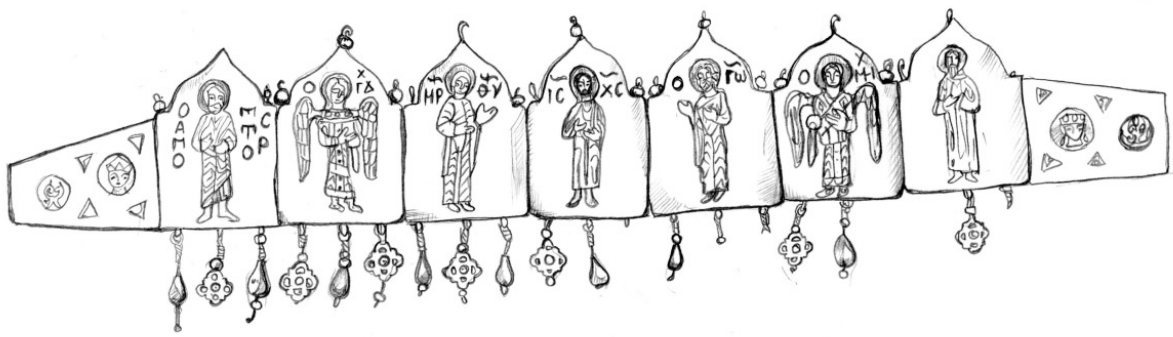
Диадема близкая к находке из Жидостицы происходит из клада 1953 г., найденного в Олтень (жудец Телеоман). Кроме серебряной диадемы в состав клада входили два серебряных позолоченных медальона, являющиеся деталями ожерелья, или украшения головного убора (второй вариант ношении вслед за В. Росетти был предложен и С. Оца (Rosetti 1972, 27-39; Oța 2007, 129)). Медальоны соединены с круглыми тиснеными бусинами, сохранившимися фрагментарно. В центре медальонов – крупные кабошоны горного хрусталя в зубчатой проволочной оправе, по краям изделий – кайма из сканных петелек. Скань сочетается с крупными шариками зерни (Rosetti 1972, 27-39; Dumitriu 2001, 130. 131, taf. 41). Кроме того, в кладе представлены цепочки, оканчивающиеся тиснеными бусинами (возможно также от головного убора). Найдена также одна целая серебряная позолоченная бусинная серьга и несколько фрагментированных экземпляров; четыре перстня, три из них с круглыми щитками и один – пластинчатый с расширяющимся щитком; три бляхи в форме шестилепестковых розеток, служивших, вероятно, для декорировки планки одежды. В кладе содержатся и детали, по меньшей мере, двух парадных серебряных позолоченных поясов, а также ряд фрагментированных изделий. Клад может быть датирован второй половиной XIV в. (Rosetti 1972, 3-14; Dumitriu 2001, 130.131, Taf. 41-43; Oța 2007, 129.137).

У диадемы из Олтень сохранилось пять пластинчатых звеньев киотообразной формы, соединенных шарнирным креплением (рис. 4.2). Шарниры декорированы зерневыми композициями. Верхние части пластинок украшены тремя зерневыми пирамидками. По краю пластинок – кромка зерни, а в центре объемные сканно-зерневые розетки. К каждой пластинке крепится по два кольца, соединяющиеся с цепочками. Цепочки украшены тиснеными шариками в средней и трапециевидными подвесками в нижней части.

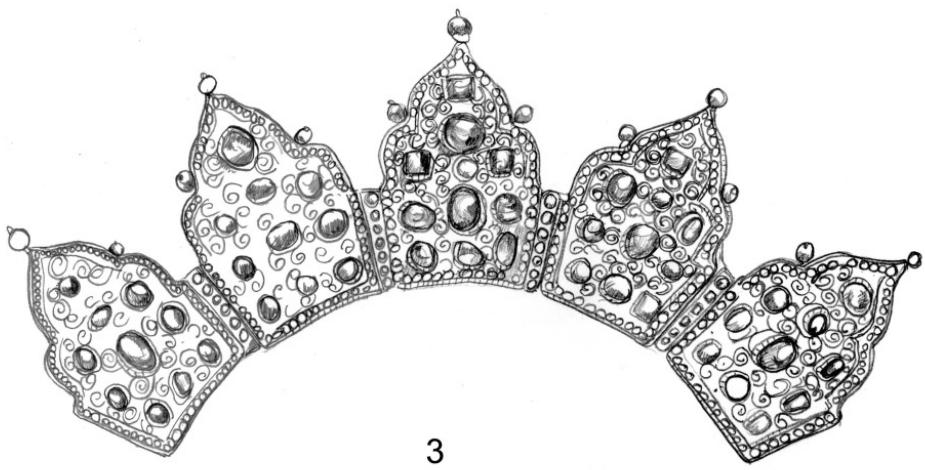
К несколько более позднему времени относится, по всей видимости, серебряная позолоченная диадема, объединяющая в себе функции налобного украшения и височных подвесок, найденая в 1927 г. в кладе Ковей (жудец Доли). В состав клада входили также 2 серебряные низкие чаши (одна – с изображением Девы Марии с младенцем и Деисуса, вторая – с анторопо-зооморфными изображениями). Кроме того, были найдены серебряная курительная трубка с гравированным орнаментом, серебряные позолоченные ножны от кинжала,



1



2



3

Рис. 5. Диадемы XII – XIII вв. Масштабы разные. 1 – Сахновка (Украина), 2 – Киев (Украина), 2 – Коруна иконы Богоматерь Боголюбская (Россия).

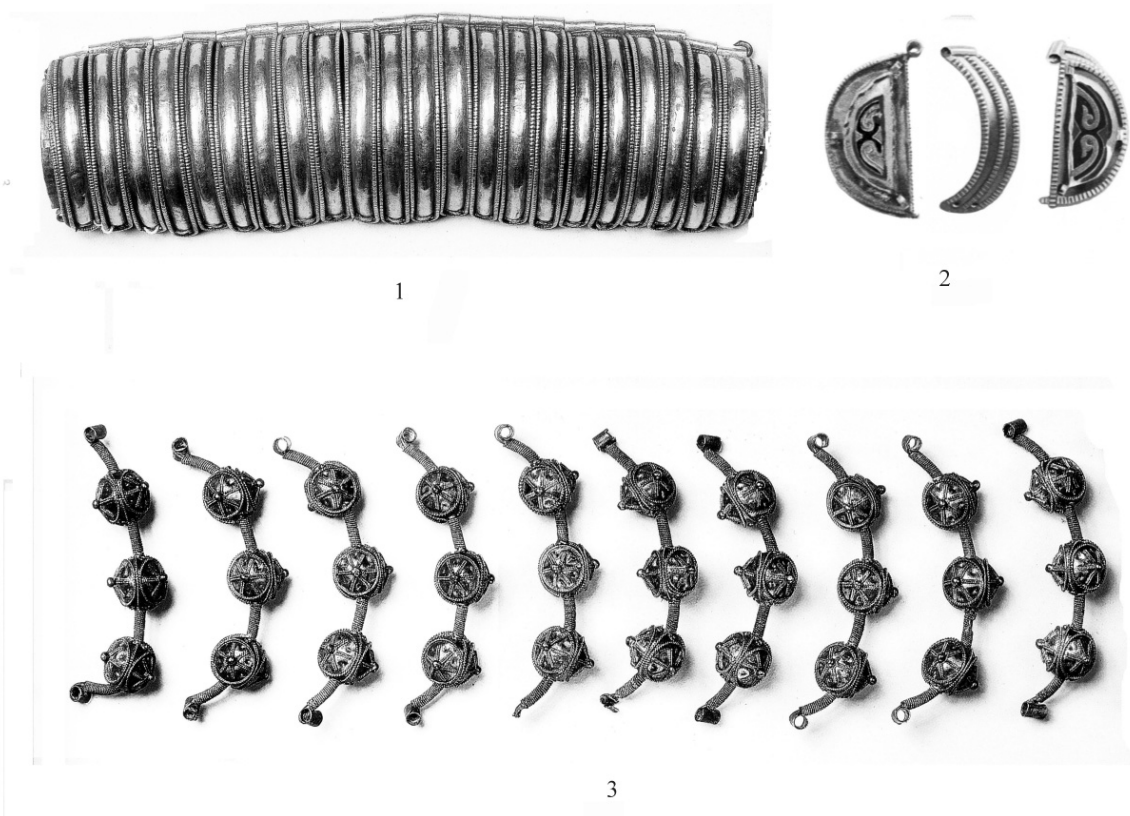


Рис. 6. Детали венцов XII–XIII вв. Масштабы разные. 1,2 – Киев (Украина), 3 – Терехово (Россия) (1,3: по Золотая кладовая … 1998).

две броши (вероятно для декорировки шляп), 29 серебряных круглых или каплевидных пуговиц (тисненные и одна сканная ажурная) и кристалл горного хрусталя овальной формы (Popescu 1970, 49-50, cat. 42; Dumitriu 2001, 117.118, Taf. 23-27; Oța 2007, 128).

Диадема из Ковей состоит из круглых бляшек, соединенных цепочками (рис. 4,1). Основными являются три бляшки налобной части украшения (две боковые и центральная). К боковым бляшкам крепится шесть петелек, в которые продеты цепочки налобной части украшения (в боковые петельки) и цепочки боковой подвески (в нижние петельки). К средней бляшке также крепится шесть петелек, для фиксации налобных цепочек. На остальные бляшки с оборотной стороны напаяны специальные трубочки-пазы, сквозь которые продергиваются цепочки. Бляшки, расположенные в налобной части украшения более крупные, на боковых подвесках – более мелкие и сдвоенные. У боковых и центральной бляшки в налобной части украшения – квадратные шатоны для фиксации камней. Остальные бляшки декорированы проволочно-зерневыми розетками. Все бляшки богато украшены зернью. На некоторых подвесках сохранились дополнительные колечки, возможно, на них крепились еще какие-то детали. Цепочки боковых подвесок в нижней части собраны на более крупное кольцо, к нему могло также крепиться то дополнительные украшения. Судя по находкам с территории Болгарии, подобное подвесное украшение может быть типа колта (экспозиция Археологического музея в городе София). Подобные гарнитуры из колтов из диадем, были, по всей видимости, достаточно характерны для убора населения Карпато-Балканского региона. Одним из центров изготовления таких вещей являлась болгарская Чипровская ювелирная школа, продукция которой ценилась и в восточно-романских княжествах (Сотиров 1984б 15). Мастера этого центра гарнитуры подобного облика изготовляли вплоть до XVI–XVII вв.

Фрагмент налобной части диадемы и целая подборка разнообразных серебряных позолоченных подвесок от диадем происходят из

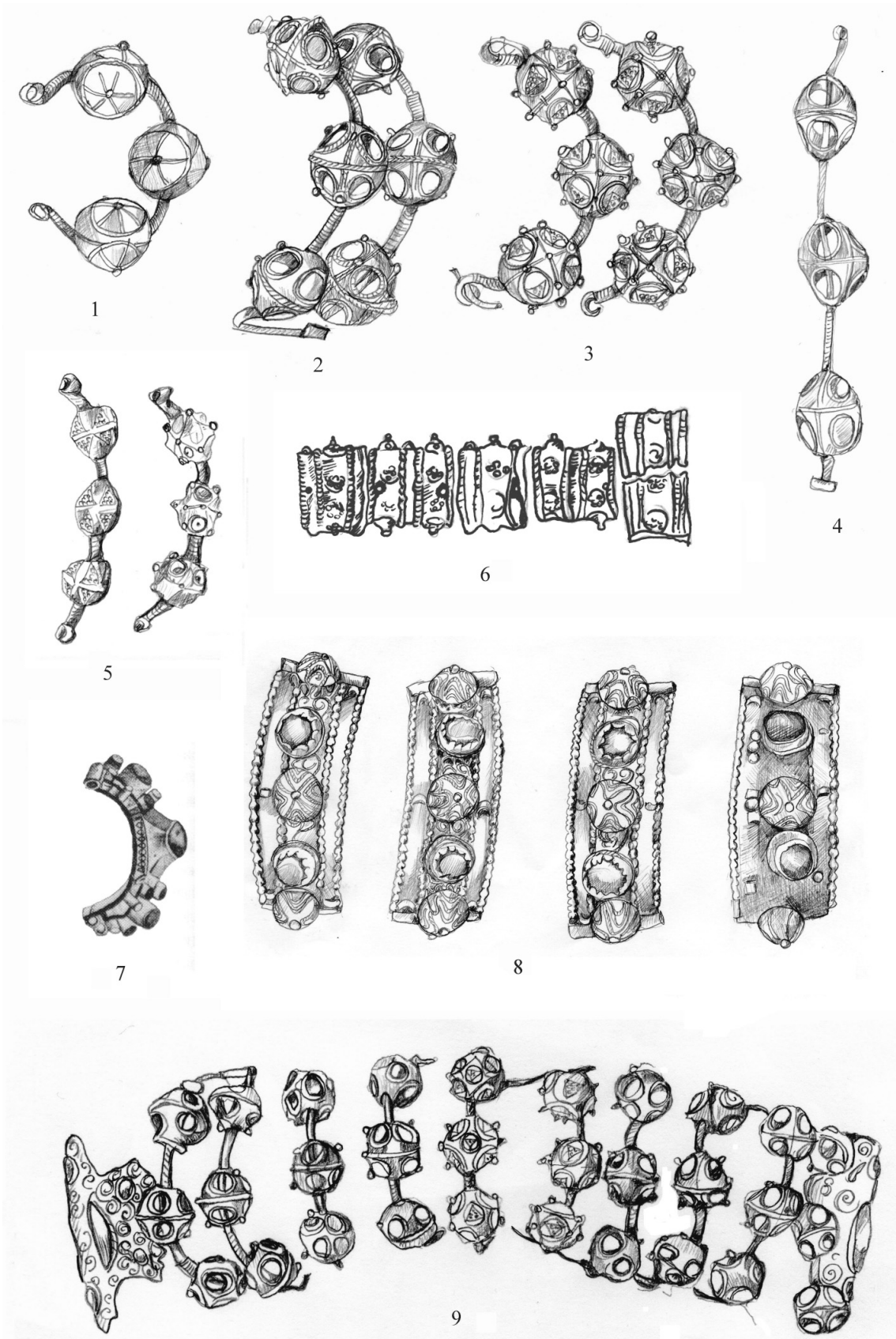


Рис. 7. Детали венцов XII–XIII вв. Масштабы разные. 1-3,5,9 - Старая Рязань, 4 – Владимир (Россия), 6 – Колесище, 7,8 – Киев (Украина).

клада 1929 г., найденного у г. Гогошу в местности «Коаста Нучилор» (жудец Мехединц). В состав клада входили 234 западноевропейские монеты (1365- 1396). Вещевая часть клада содержит овальное ложчатое серебряное позолоченное блюдо с изображением фантастических птиц, поясной набор, пару серебряных плетеных браслетов с щитками декорированными зернью и сканью (Berciu, Comşa 1956, 462, fig. 188,1-3; Popescu 1970, 45; Dumitriu 2001, 124, Taf. 33-36; Oța 2007, 128). Диадема собрана из отдельных звеньев овальной и подпрямоугольной формы, сохранилось и одно концевое звено треугольной формы с фрагментом застежки. Все звенья украшены крупными шатонами с разноцветными камнями. На подпрямоугольных пластинках в углах тисненые полусферы. Овальные звенья декорированы проволочными кружками. Все пластинки декорированы по краю пирамидками зерни. О том, что данное украшение является именно фрагментом диадемы, свидетельствуют упомянутые выше болгарские аналоги, происходящие из кладов XIV в. в (Батова, Михайловград) (Павлова 2007, 54.68).

Подвески от диадем из клада Гогошу двух типов. Одна – плоская, по форме близкая к трапеции декорированная сканными колечками, а с лицевой стороны и квадратной вставкой для кабашона. В нижней части подвески – цепочки, оканчивающиеся каплевидными и лунницевидными подвесками. Вторая удлиненная подвеска собрана из трапециевидных, круглой и пирамидальной бусин. В нижней части изделия также расположены цепочки, оканчивающиеся каплевидными подвесками (Dumitriu 2001, 124, Taf. 33).

С территории Румынской Молдовы нам известно два местонахождения фрагментов диадем с подвесками. Так четыре фрагмента диадем было обнаружено в кладе Скинетя (Alaiba 2002, 117-179; fig. 10) (рис.4,3-6). Два детали, составленные из розеток, цепочек и бусин, представляют собой, вероятно, подвески к диадеме, спускавшиеся вдоль лица. В едином стиле с этими подвесками выполнен фрагмент диадемы, составленный из круглых и розеткообразных бляшек, декорированных шатонами и крупной зернью, тисненых бусин и цепочек. Еще одна диадема сохранилась в шести фрагментах, из которых два концевые с круглыми колечками. Диадема украшена подвесками-цепочками, декорированными листовидными бляшками и круглыми шариками. Сама диадема и листовидные бляшки украшены крупной зернью и сканью. Кроме того, клада, найденного в Сучаве, происходят маленькие фрагменты диадемы, составленной из цепочек и розеток, аналогичных представленным на украшении из Ковей (Manea 1997, 387-406).

Близки по декору к рассматриваемым диадемам с подвесками и найденные в XIX веке (по всей видимости, в составе клада) на юго-востоке комитата Марамуреш серебряные тисненые колты или подвески к диадеме. Изделия на лицевой стороне декорированы изображениями святых, на обороте – орла в геральдической позе. С оформлением диадем эти украшения объединяют цепочки-подвески подвески с шариком в средней части и лунницами на концах. Как правило, появление украшений типа колтов исследователи связывают с византийским влиянием (Lukács 1998, 150-152, fig. 3; Oța 2007, 130, fig. 7).

Византийское влияние распространялось и на восточноевропейскую территорию и нашло свое отражение и в формировании древнерусского ювелирного убора конца XI–XIII вв. В археологических памятниках Древней Руси представлено две целые диадемы с эмалевыми изображениями, выполненные под явным византийским влиянием. Кроме того, известен целый ряд фрагментов подобных изделий. Целые экземпляры диадем происходят из кладов и датируются в пределах XII в.

Диадема с изображением сцены вознесения Александра Македонского была обнаружена в кладе 1900 г. на Девичьей Горе у с. Сахновка (Ханенко 1902, 21; Корзухина 1954, 131; Рыбаков 1969, 92-103;1971, рис. 46-48; Макарова, Плетнева 1986, 103; Макарова 1975, 109; Даркевич 1972, 89; Бочаров 1984, 54). Диадема состоит из 7 основных киотообразных пластин и двух боковых трапециевидных. Ее длина составляет 35 см (рис. 5,1) Такой размер драгоценной налобной ленты и количество щитков ее составляющих является достаточно устойчивым и представлен у многих подобных изделий (например, у венгерской «короны Константина Мономаха») (Deer 1966, Taf. XXXVI,90).

Диадема же из Киевского клада 1889 г. декорирована изображением Деисуса, включавшего в себя фигуры Христа, Иоанна Предтечи, Богоматери, архангелов Гавриила и Михаила, апостолов Петра и Павла (рис. 4,2). Фигуры сопровождены надписями, сочетающими элементы греческой и древнерусской палеографии. Боковые трапециевидные пластинки декорированы изображениями женских лиц и кринами в круге. По нижнему краю диадемы расположены каплевидные и квадрефолийные подвесочки (Кондаков 1996, 138; Корзухина 1954, 131; Толочко 1963, 145; Макарова, Плетнева 1986, 101; Макарова 1975, 108).

О том, что диадемы с эмалевыми изображениями имели достаточно широкое распространение в древнерусском уборе, свидетельствуют и находки фрагментов подобных изделий, происходящие не только из кладов, но и из погребений и городских слоев. Фрагменты диадем с изображениями святых были найдены в нескольких пунктах. В 1901 г. окрестностях г. Ярославля была обнаружена золотая киотообразная пластинка от диадемы с фигурой Богоматери в позе моления (Макарова 1975, 108, №63, Русская эмаль 1987, 14, 230; Синай, Византия, Русь 2002, 256). Золотая пластинка с изображением евангелиста Марка была приобретена в 1982 г. Государственным Эрмитажем (Русская эмаль 1987, 14, 230; Синай, Византия, Русь 2002, 256).

При раскопках женского захоронения XII в. в кургане 18 у с. Мушитина Дрогобужского района (Украина) был найден фрагмент щитка от диадемы с эмалевым изображением архангела в рост (Рыбаков 1848, 388). Пожалуй, наиболее поздней является находка золотой киотооообразной пластинки с эмалевым изображением молодого святого, происходящей из могильника зотоордынского времени Мамай-Сурка в Нижнем Поднепровье. Кроме этой пластинки, являвшейся, по всей видимости, деталью головного украшения типа диадемы, в материалах данного некрополя представлены и энколпионы древнерусского типа, что свидетельствует о наличии древнерусского компонента среди полиэтничного населения, оставившего данный могильник (Ельников 2001, 143).

Кроме того, известно и несколько щитков от диадем с растительно-геометрическим узором. Бронзовая позолоченная пластинка с изображением четырех сердцевидных фигур происходит из с. Сахновка (Ханенко 1907, т. XIII; Макарова 1975, 124). А золотая трапециевидная (по всей видимости, концевая) пластинка с криновидным декором известна из Киевского клада 1824 г., найденного неподалеку от Михайловского монастыря (Кондаков 1896, 104, Корзухина 1954, 123, №107, Макарова 1975, 109, №65, Бочаров 1984, 61).

Доказательством того, что диадемы изготовлялись, в том числе, и на древнерусской территории, может служить не только достаточно широкое распространение подобных фрагментов, но и находка их в составе комплекса ювелирный мастерской. Две золотые каплевидные подвесочки к диадеме, аналогичные представленным на диадеме из Киева, происходит из постройки №10 древнего Новогрудка (Гуревич 1981, 71-80; Макарова 1975, 108, № 62, табл. II,1-3; Бочаров 1984, 62; Кошман 2001, 198–218). В составе инвентаря данной постройки второй половины XII–XIII вв. был найден разнообразный ювелирный инструментарий и восемь мелких золотых предметов – подвески, бусины и пронизки. Две подвески, в том числе одна с эмалевым декором, по всей видимости, крепились к нижней части диадемы. Бусины, в том числе и найденные вместе с обрывком цепочки, по всей видимости, являются деталями рясен. Кроме того, были найдены многочисленные фрагменты стеклянных сосудов древнерусского, византийского и ближневосточного производства, а также кусочек фаянсового сосуда с люстровой росписью и арабской надписью.

Среди стеклянных изделий выделяется уникальная находка сосуда с резным орнаментом, выполненного из толстого дымчатого стекла. Сосуд декорирован изображениями льва и грифона и принадлежит к типу так называемых «Hedwigsgläser» (кубок Ядвиги). По легенде, подобный сосуд принадлежал Ядвиге – жене герцога Силезии, канонизированной в 1267 г. Подобные кубки, известные по материалам коллекций европейских музеев и храмовых ризниц, производились, по всей видимости, на Ближнем Востоке, в Европе же распространились вместе с купцами и крестоносцами (Гуревич 1963, 243-246). Таким образом, обитатели

новогрудского квартала ювелиров работали с драгоценными металлами, могли позволить себе иметь восточные стеклянные изделия и застекленные окна, возможно, они изготовляли, или поновляли и такие роскошные украшения, как золотые диадемы.

Кроме диадем с эмалевыми композициями известно и несколько диадем с драгоценными камнями. В кладе 1903 г. у д. Каменный Брод (Киевская губ.) был найден золотой пластинчатый венец с треугольным выступом в средней части, богато украшенный сканным декором и цветными вставками (Гущин 1936, 59-62; Корзухина 1954, 136; Толочко 1963, 147-148). Эта диадема наиболее близка к рассмотренной выше находке из Карпато-Балканского региона – диадеме из Котнарь (Румыния) и является, скорее всего, иконным прикладом (Стерлигова 2000, 157.158, рис. 51). Однако, парадный убор и приклад икон был взаимосвязан. К иконам женщины прикладывали свои драгоценности. Возможно, деталями головного убора первоначально являлись пластинки от венца XII – начала XIII вв. с эмалевыми изображениями святых, украшавшие новгородскую икону «Богоматерь Знамение» (Стерлигова 2000, 157). Близость формы щитков коруны из драгоценного приклада иконы «Богоматерь Боголюбская» к деталям диадем позволило Н.В. Жилиной атрибутировать это изделие как княжеский венец (Жилина 2002, 161-165, рис. 8). Коруна является наиболее древним предметом из драгоценного «одеяния» этой иконы (рис. 5,3). Характер ее декора, обилие драгоценных камней и жемчуга, сложный, сканно-зерневой декор приводят исследователей с одной стороны к обращению к аналогичным мотивам, представленным на произведениях западноевропейской металлопластики. С другой стороны – к сближению ее с произведениями мастеров рязанской ювелирной школы, хорошо знакомых, по всей видимости, с западноевропейской ремесленной традицией (Бочаров 1984, 179-182; Стерлигова 2000, 212.213).

В древнерусском парадном уборе кроме диадем со щитками, декорированными эмалевыми композициями, существовало еще два вида драгоценных венцов, эмалевые вставки на которых использовались только для украшения концевых пластинок, сами же венцы собирались из изогнутых пластинчатых или трехбусинных дужек. Изогнутая форма пластинок объясняется тем, что они крепились в уборе, по всей видимости, к деревянному или матерчатому валику. Сходная конструкция была открыта в захоронении в Колесище (Корзухина 1954, 60.61) (рис. 7,6). Практически все находки венцов, составленных из пластинчатых дужек (как правило, золотых), происходят из Киева и его ближайшей округи (Рябцева 2005, 169, карта 7). Как в географическом плане, так и по материалу и технике изготовления, особняком стоит подборка из 16 серебряных позолоченных тисненых дужек от очелья, найденная в кладе у с. Городище (Деражнянского района Хмельницкой обл.) (Якубовский 1975, 87-104).

Подавляющее же большинство подобных венцов изготовлено из золота и выглядит достаточно единообразно. Они составлены из кованных нешироких выгнутых дужек, украшенных полосами рубчатой проволоки (рис. 6,1.2). Один конец дужки загнут в небольшую трубочку, предназначенную для скрепления их в единый венец. На противоположном конце дужки расположено небольшое отверстие, предназначенное, по всей видимости, для нашивания венцов на основу (Корзухина 1954, 60, рис. 9). В ряде случаев встречаются и очелья с дужками несколько иного облика, снабженными шарнирами на одной или обеих узких сторонах. Подобные дужки с одним шарниром представлены в упомянутом кладе Городище, а с двумя - в кладе 1889 г., происходящем из Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве (Якубовский 1975, 87-104; Корзухина 1954, 119, Рябцева 2005, 171, рис. 93,Б). Судя, по сохранившимся фрагментам, по бокам венцы закрывались полусферическими пластинками, декорированными растительно-геометрическими эмалевыми узорами и жемчужной обнизью.

На этом фоне, безусловно, выделяется своим необычным обликом дужки от очелья, найденные при археологических изысканиях в зоне восстановления Михайловского Златоверхого собора в Киеве. В 1997 г. при работах экспедиции под руководством Г.Ю. Ивакина был обнаружен клад из 23 серебряных гривен киевского типа и ювелирных украшений. В комплекс входили два массивных золотых перстня,

один декорированный знаком Рюриковича, второй – вставкой с аметистом, плетеный серебряный браслет с концами, оформленными в виде драконьих головок и два золотых трехбусинных «серьги киевского типа» с ажурными сканными бусинами. Совместно с этими украшениями было найдено девять золотых дужки от очелья, декорированных полусферическими выступами со сканным узором перемежающимися с аметистовыми вставками (Ivakin 1997, 178-224, pl. 13; Візантія і Київська Русь 1997, кат. 40) (рис. 7.8). По бокам от этих высоких полусферических выступов, поднятых на «пьедесталы» из проволочных спиралей расположены ограниченные рядами бусиной проволоки лотки для нитей жемчужной обнизи. Эта находка заставляет обратиться к вещам, найденным более полутора столетий тому назад. В кладе 1824 г., обнаруженном также у Михайловского монастыря («на Боричевом взвозе», «на скате старого вала») было представлено восемь золотых дужек от очелий. Каждая дужка декорирована тремя большими и множеством мелких камней, вставленных в ажурные гнезда (Кондаков 1896, 96-105, рис. 65; Корзухина 1954, 123; Жилина 2010, 218, рис. 135, 4б) (рис.7,7). Система декора деталей этих очелий при помощи выпуклых цветных вставок, а также тисненных полусфер близка к представленной на несколько более поздних карпато-балканких украшениях, но форма самих пластин – иная. Необходимо отметить, что сходным образом – выступами и нитями жемчужной обнизи было украшено и упомянутое очелье из Колесища (Корзухина 1954, 60.61) (рис. 7,6).

География второго типа древнерусских венцов, составленных изогнутых бусинных дужек гораздо более широкая, чем у очелий с пластинчатыми дужками. Кроме Киева они встречены в кладах Владимира, Москвы и Старой Рязани, на Орловщине и Черниговщине, а также в окрестностях Галича (Рябцева 2005, 170, карта 8) (рис. 6,3). В недавнее время (в ноябре 2009 г.) фрагменты подобного очелья были найдены в составе клада ювелирных украшений, обнаруженного при вспашке поля на южной окраине города Трубчевска (Брянской обл.) (Чубур 2010, 249, рис. 4).

Наиболее часто, встречаются подобные очелья, изготовленные из серебра, но есть позолоченные и золотые экземпляры. Бусины нанизывались на тонкие проволочные дротовые стержни и укреплялись проволочной обмоткой, располагавшейся между бусинами. Концы стержней расковывались и изгибались в трубочки, предназначенные для крепления венцов. Дополнительно укреплялась вся конструкция при помощи перекрученных проволочных нитей, перетягивавших стержни в промежутках между бусинами. Для декорировки подобных очелий применялись бусины различной формы, зачастую предпочтение оказывалось экземплярам с элементами ажурности, декорированным сквозными отверстиями. В ряде случаев, если бусины были тиснеными глухими, они декорировались зернью или напаянными сканными колечками, или же проволочными розетками (рис.7,1-5). Кроме того, в составе одного очелья могли использовать дужки с бусинами разного типа. Так среди 16 серебряных дужек от очелья из московского клада 1988 г. 14 штук декорировано ажурными бусинами и 2 экземпляра – тиснеными, усыпанными зернью (Наследие варягов 1996, 111).

Наиболее роскошное золотое очелье этого типа было найдено в кладе 1992 г. в Старой Рязани (рис. 7,9). Сохранились 10 золотых дужек, декорированных бусинами двух типов – тиснеными и ажурными-тиснеными с круглыми отверстиями. На этом украшении прослеживаются фрагменты бронзовой проволоки, соединявшей дужки. Представлены и концевые пластинки, вырезанные по краям по форме бусин. Пластинки украшены эмалевыми вставками, роскошной двухъярусной сканью, зернью, альмандинами и стеклянными вставками с подложенной под ними серебряной фольгой. Выявлены также остатки ниток от шелковой основы убора. По краю концевых пластин расположены небольшие отверстия, предназначенные, по всей видимости, для нашивания на тканую основу (Даркевич, Борисевич 1995, 65-78, рис. 29-34). Средняя длинна подобных очелий составляет 20-22 см., т.е. они доходили примерно до висков, а на затылке могли скрепляться при помощи цепочек (концевые пластины с цепочками найдены в Киевском кладе в усадьбе Есикорского) (Корзухина 1954, 118).

Таким образом, кроме диадем, в древнерусских древностях представлено и два вида

венцов. Для декорировки одного из них применялись в основном золотые дужки, для другого чаще использовали серебряные. Момент полихромии сохраняется и в подобных украшениях, благодаря вставочкам с драгоценными камнями, эмалями и стеклами, а также жемчужным обнизям. Однако, за исключением двух случаев с очельями из кладов, найденных у Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве, эти полихромные элементы расположены только на концевых пластинках. Трехбусинные дужки, а также пластинчатые дужки с выпуклыми карстами из Кладов Михайловского Златоверхого монастыря создают игру выпуклостей и объемов в изобилии представленную на венцах из Карпато-Балканского региона, но на дужках иных форм.

Среди древнерусских венцов выделяется украшение, найденное в 1960 г. в Любече (Украина). При раскопках на Замковой горе здесь были обнаружены серебряные позолоченные бляшки различной формы (круглые, треугольные, ромбические, розеткообразные), по всей видимости, служившие для декорировки венчика. Семь бляшек из этого набора декорированы эмалевыми, семь - стеклянными вставками, а одиннадцать жемчугом. Так же как и другие известные диадемы, и венцы, происходящие, например, из Сахновки или Киева, судя по количеству бляшек, этот венок, мог доходить только до висков. По всей видимости, затылочная часть венца не была украшена и закрывалась покрывалом. Изделие достаточно примитивно в декоративном плане, основными элементами декора являлись треугольники, розетки, побеги, схематические изображения женщин с поднятыми руками. Манера изготовления тисненых бляшек достаточно небрежная. Однако, при этом, рецептура исследованных эмалей этого венца оказалась византийской, что лишний раз свидетельствует о том, что эмалевый порошок привозился на Русь из Византии (Макарова 1974, 160-162).

Что касается послемонгольского времени, то о том как выглядели драгоценные царские и княжеские диадемы-венцы мы можем представить в основном по письменным свидетельствам и изобразительным произведениям. Так духовной грамоте князя Михаила Андреевича (1486) среди имущества, передаваемого своей дочери упоминается «венец царский с городы, да я яхонты, да с лалы, да с зерны с велими; другои векок назан великим жемчугом; да челка низана великим жемчюгом; ожерелье с великими яхонты сажоно, з зерны с великим; рясны с яхонты да с лалы; колтки золоты с яхонты» (Духовные и договорные грамоты 1950, 312, №80). Среди одеяний царя Федора Михайловича присутствует диадема с изображениями Деисустного чина (Христос, Богоматерь, Иоанн Предтеча и архангелы), аналогичного тому, что мы знаем по диадеме XII в. из Киева (Савоитов 1896, 32). В женском головном уборе аналогичную роль исполняли венцы-коруны (Забелин 1992, 185). Парадный убор Московской Руси насыщен жемчугом и драгоценными камнями, в нем сохраняются многие типы украшений, имеющие домонгольские истоки, в том числе, зубчатые венцы-диадемы и подвески рясна

Таким образом, мы можем констатировать тот факт, что в уборе населения Восточной и Юго-Восточной Европы выделяются драгоценные венцы, являвшиеся частью парадного убора, а также роскошные парадные и церемониальные диадемы. Эти изделия являлись привилегией ювелирного убора знати и выполнялись первоначально в рамках византийской традиции. Время существования изделий, изготовлявшиеся под непосредственным византийским влиянием в Восточной Европе ограничивается XII – первой половиной XIII в. На Балканах эта традиция проявляется раньше – в X в. (диадема из Преслава). Своеобразные варианты диадем, выполненных, под византийским влиянием существуют здесь до XIV в. (Пажаровец, Маковиште).

Кроме того, в XII–XIII вв. в Карпато-Балканском регионе появляются диадемы, выполненные под влиянием западноевропейского ювелирного искусства (диадемы из Горану и Котнарь). Западноевропейское влияние прослеживается и при рассмотрении материалов, происходящих с территории Восточной Европы. Наиболее ощутимо оно в подборке украшений из Старой Рязани. Мастерам Рязанской ювелирной школы, создавали венцы, ожерелья и колты богато декорированные драгоценными камнями, жемчугом, сложной, зачастую мно-

гоярусной сканью, зернью, эмалевыми изображениями. К произведениям мастеров рязанской школы близка и коруна иконы Богоматери Боголюбской.

В XIII–XV вв. изобразительная традиция Карпато-Балканского региона фиксирует переход от низких диадем к высоким башнеобразным уборам, состоящим как бы из нескольких ярусов диадем и к высоким зубчатым коронам. Изображения корон представлены и в послемонгольских изобразительных памятниках Руси.

Археологический же материал демонстрирует, что в XIV–XV вв. в Карпато-Балканском регионе складывается специфический тип диадем с богато декорированными тиснеными и проволочными розетками прямоугольными, киотообразными и округлыми звеньями. Многие из этих диадем (особенно происходящие из кладов) украшены многочисленными подвесками и цепочками. Подвески-рясна к головным уборам, а также серьги, имеющие весьма близкие аналогии в памятниках Карпато-Балканского региона, представлены и в одеяниях древнерусских княгинь и цариц, а также в драгоценных прикладах икон. Украшения княгини Ефросиньи Рязанской (XIV в.) и царицы Анастасии Романовны (XVI в.), а также жемчужные рясна из драгоценного убора Богоматери Одигитрии (XIV в.) из собрания музея Московского кремля (Рязанский кремль 2005, 111; Жилина 2003, 283, рис. 5; Стерлигова 2000, 176) могут служить ярким тому примером. В то же время, сам тип диадем из гибких звеньев, зачастую декорированных длинной бахромой в налобной части, типичный в этот период для памятников Карпато-Балканского региона на территории Восточной Европы нам не известен. Таким образом, при всем своеобразии ювелирных уборов населения Юго-Восточной и Восточной Европы, отмечается и ряд общих черт, определяемых общими тенденциями развития европейского ювелирного дела периода развитого и позднего средневековья.

Библиография

Александров 1984: Г. Александров, Средновековно българско съкровище от Михайловград. Археология 1, 1984, 29-38.

Андреев 1988: Й. Андреев, Болгарските ханове и царе VII–XIV век (София 1988).

Андреев 1992: Й. Андреев, Всекидневието на Българите през XII–XIV век (София 1992).

Атанасов 1984: Г. Атанасов, Средновековно българско съкровище от Михайловград. Археология 1, 1984, 29-36.

Атанасов 1999: Г. Атанасов, Инсигните на средновековните български владетели (Плевен 1999).

Атанасова 1980: И. Атанасова, Средновековно съкровище от село Дружба. Музеи и памятници на културата XX, 4, 1980, 20-26.

Барсов 1883: Е.В. Барсов, Исторический очерк чинов священного венчанья на царствие в связи с развитием идеи царя на Руси. ЧОИДР кн. 1. М., I-XXXV.

Божилов 1985: И Божилов, Фамилията на Асенеаци (София 1985).

Бочаров 1984: Г.Н. Бочаров, Художественный металл Древней Руси (Москва 1984).

Вельтман 1860: А. Вельтман, Царский золотой венец и царские утвари, присланные греческим императорами Василием и Константином первовенчанному В.К. Владимиру Киевскому. ЧОИДР кн.1. М., 31-99.

Возний 2008: І. Возний, Прикрас из відкритих поселень X-XIV ст. межиріччя Верхнього Сирету та Середнього Дністра. В сб: Стародавній Іскоростень І слов'янські гради. Збірка наукових праць. Т. І (Коростень 2008) 47-54.

Візантія і Київська Русь 1997: Візантія і Київська Русь. Каталог виставки (Київ 1997).

Георгиев 1996: П. Георгиев, Диадемата от Переславското златно Съкровище. В сб.: Бог и цар в българската история (Пловдив 1996), 79-85.

Григоров 2003: В. Григоров, Принос към проучването на старобългарската диадема (VIII-XI). Археология 1, 2003, 29-37.

Григоров 2004: В. Григоров, Средновековна диадема-прочелник от Националния археологически музей – София. Археология 3-4, 2004, 61-62.

Григоров 2007: В. Григоров, Метални накити от средневековна България (VII–IX в.) (София 2007).

Гуревич 1963: Ф.Д. Гуревич, Стеклянный резной бокал из Новогрудка. СА 2, 1963, 243-246.

Гуревич 1981: Ф.Д. Гуревич, Древний Новогрудок (Ленинград 1981).

Даркевич 1972: Ф.Д. Даркевич, Путями средневековых мастеров (Москва 1972).

Даркевич 1975: В.П. Даркевич, Светское искусство Византии (Москва 1975).
Даркевич, Борисевич 1995: В.П. Даркевич, Г.В. Борисевич, Древняя столица Рязанской земли (Москва 1995).
Димитров 2010: П. Димитров, Разпространение и характеристика на накитите от Северна България (XI - XIV). В сб.:Stephanos Archaeologicos in honorem Professoris Stephcae Angelova. Studia Archaeologica Universitatis Serdicensis. Seppl. V (София 2010), 663–671.
Димитров 1995: Я. Димитров, Църква и некропол във Въишния град на Плиска (края на X-XI в.). В сб.: Плиска-Преслав 7, 1995, 42-70.
Долмонова-Лукановская 2010: М. Долмонова-Лукановская. Владетелските инсигнии на Търновските царе. Приноси към Българската археология VI (София 2010), 120-131.
Дрэгуца, Лупан 1983: П. Дрэгуца, В. Лупан, Стенная Роспись в Молдове (Бухарест 1983).
Духовные и договорные грамоты 1950: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI вв. (Москва – Ленинград 1950).
Ельников 2001: М.В. Ельников, Средневековый могильник Мамай-Сурка (Запорожье 2001).
Ерцеговић Павловић 1979: С. Ерцеговић Павловић, Средњщвјековни накит од украсних плочица. В сб.: Зборник народног музеја IX–X (Београд 1979), 279-285.
Жилина 2002: Н.В. Жилина, Русский ювелирный убор. Родина 2001 №11-12, 160-165.
Жилина 2003: Н.В. Жилина, Русская филигрань до и после татаро-монгольского нашествия. В сб.: Русь в XIII в. Древности темного времени (Москва 2003), 278-289.
Жилина 2010: Н.В. Жилина, Зернь и скань Древней Руси (Москва 2010).
Забелин 1992: И.Е. Забелин, Домашний быт русских цариц (Новосибирск 1992).
Иванов 2000: С.А. Иванов, Константинополь на периферии: как «варвары» имитировали византийскую культуру. В сб.: Византийский мир: искусство Константинополя и национальные традиции. Т.Д. (Санкт-Петербург 2000), 14-15.
Калашникова 2010: Н.М. Калашникова, Одежда населения Бессарабии; традиционные формы в полиэтничном пространстве. В сб.: Материалы по этнографии. Т. III Российский этнографический музей. (Санкт-Петербург 2010), 17-96.
Кондаков 1892: Н.П. Кондаков, Византийские эмали из собрания А. Звенигородского (Санкт-Петербург 1892).
Кондаков 1996: Н.П. Кондаков, Русские клады (Санкт-Петербург 1996).
Кондаков 1906: Н.П. Кондаков, Изображения русской княжеской семьи в миниатюрах XI в. (Санкт- Петербург 1906).
Корзухина 1954: Г.Ф. Корзухина. Русские клады. (Москва – Ленинград 1954).
Кошман 2001: В.И. Кошман, Изделия с перегородчатой эмалью на территории Белоруссии. Гістарычна – археалогічны зборник 16, (Минск 2001), 130-137.
Лихачева 1981: В.Д. Лихачева, Искусство Византии IV–XV вв. (Ленинград 1981).
Лукина 1974: Г.Н. Лукина, Название предметов украшения в языке памятников древнерусской письменности XI-XIV вв. (Москва 1974).
Мавродинов 1966: Н. Мавродинов, Староболгарското изкуство XI–XIII вв. (София 1966).
Мавродинова 1969: Л. Мавродинова, Църквата в Долна Каменица. Стенописи от времето на Михаил Шишман (София 1969).
Макарова 1974: Т.И. Макарова, Венец с перегородчатой эмалью из Любеча. В сб: Культура средневековой Руси (Москва 1974), 160-162.
Макарова 1975: Т.И. Макарова, Перегородчатые эмали Древней Руси (Москва 1975),
Макарова, Плетнева 1986: Т.И. Макарова, С.А. Плетнева, О центрах эмальерного дела в Древней Руси. В сб.: Славяне и Русь (Москва 1986), 98-111.
Минић 1996: Д. Минић, Украсне плочице из Врцалове Воденице код Руме. Рад музеја Војводине 37-38. Нови Сад 1995/1996, 113-121.
Наследие варягов 1996: Наследие варягов. Диалог культур (Boras 1996).
Павлова 2007: В. Павлова. Съкровищата на средновековна Бъелгария. Каталог на изложба (Варна 2007).
Рябцева 2005: С.С. Рябцева, Древнерусский ювелирный убор. Основные тенденции формирования (Санкт-Петербург 2005).
Рябцева 2010: С.С. Рябцева, Об одном типе средневековых ювелирных украшений XII–XVI вв. RA. V, 2, 2010, 80-89.

Рязанский кремль 2005: Музей заповедник Рязанский кремль. (Рязань 2005).
Русская эмаль 1987: Русская эмаль XII – начала XX века из собрания Государственного Эрмитажа (Ленинград 1987).
Рыбаков 1848: Б.А. Рыбаков, Ремесло Древней Руси (Москва 1948).
Рыбаков 1969: Б.А. Рыбаков, Київскі колти і віли-русалки. В сб.: Славяно-руські старожитности (Київ 1969), 92-103.
Савоитов 1896: П. Савоитов, Описание старинных русских утварей, оружия, ратных доспехов и конского прибора (Санкт-Петербург 1896).
Синай, Византия, Русь 2002: Синай, Византия, Русь (Санкт-Петербург 2002).
Сотиров 1984: И. Сотиров, Чипровска златарска школа (София 1984).
Стерлигова 2000: И.А. Стерлигова, Драгоценный убор древнерусских икон XI-XIV вв. Происхождение, символика, художественный образ (Москва 2000).
Толочко 1963: П.П. Толочко, Про принадлежність і функціональне призначення діадем і барм в Древній Русі. Археологія XV, 1963, 145-164.
Тотев 1981: Т. Тотев, Опыт за реконструкция на диадемата от Преславското съкровище. Музеи и паметници на културата 3, 1981, 121-137.
Тотев 1983: Т. Тотев, Преславското златно съкровище (София 1983).
Тотев 1986: Т. Тотев, Преславското златно съкровище. Известия на Народния музей-Варна 22 (37), 1986, 83-108.
Тотев 1993: Т. Тотев, Бележки за проникването на техниката на клетъчния емайл в Преслав. В сб.: Преслав 5, 102-117
Уильямс, Огден 1995: Д. Уильямс, Д. Огден, Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи (Санкт-Петербург 1995).
Успенский 1997: Ф.И. Успенский. История византийской империи VI–IX вв., т. 2 (Москва 1997).
Фасмер 1986: М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка, т. 1 (Москва 1986).
Ханенко 1902: Б.И и В.И. Ханенко, Древности Приднепровья, т. 5 (Киев 1902).
Ханенко 1907: Б.И и В.И. Ханенко, Древности Приднепровья, т. 6 (Киев 1907).
Ђорвић-Љубинковић 1969: М. Ђорвић-Љубинковић, Средњовековна уметност у Сербии (Београд 1969).
Ђоровић-Љубинковић, Милошевић, Татић-Ђуровић 1969: М. Ђоровић-Љубинковић, Д. Милошевић, М. Татић-Ђуровић, Средњщвековна уметност у Србији (Београд 1969).
Чубур 2010: А.А. Чубур. Трубчевский домонгольский клад ювелирных изделий. В сб.: Материалы по истории и археологии России I (Рязань 2010), 247-255.
Якубовский 1975: В. І. Якубовський, Давньоруський скарб з с. Городище Хмельницької області. Археологія 16, 87-104.
Alaiba 2002: R. Alaiba, Tezaurul de la Schinetea, jud. Vaslui. ArhMed IV, 2002, 117-179.
Constantinescu 1984: N. Constantinescu, Curtea de Argeş. 1200-1400 (Bucureşti 1984).
Berciu, Comşa 1956: D. Berciu, E. Comşa, Săpăturile arheologice de la Balta Verde şi Gogoşu (1949 şi 1950). MCA 2, 1956, 251-290.
Davidson 1966: P. Davidson, Greek Gold (Berlin 1966).
Deer 1966: J. Deer, Die Heling Krone Ungarns (Wien 1966).
Dumitriu 2001: L. Dumitriu, Der mittelalterlich Schmuck des unteren Donaugebietes im 11-15. Jahrhundert (Bucureşti 2003).
Goschew 1966: I. Goschew, Zur frage der Krönungszeremonien und die Zeremonielle Gewandung der Byzantinischen und der Bulgarischen Herrscher im Mittelalter. Byzantino-Bulgarica. Sofia, 1966, 145-168.
Elian 1964: A. Elian, Moldova şi Bizanțul în secolul al XV-lea. În: Cultura moldoveneasca în timpul lui Ştefan cel Mare (Bucureşti 1964), 97-179.
Horedt 1958: K. Horedt, Contribuții la istoria Transilvanei sec. IV–XIII (Bucureşti 1958).
Ivakin 1997: G. Ivakin, Excavations at St. Michael Golden Domes Monastery in Kiev. In: Візантия і Київська Русь (Київ 1997), 178-224.
Lukács 1998: A. Lukács, Tezaurul de la Sterza-Cârțişoara (jud. Sibiu). SCIVA 49, 2, 1998, 145-156.
Lukács 1999: A. Lukács, Țara Făgăraşului în Evul Mediu. Secolele XIII–XVI (Bucureşti 1999).
Manea 1997: C.A. Manea, Unele probleme referitoare la datarea tezaurului de la Suceava. CA X, 1997, 387-406.
Maneva 2001: E. Maneva, Le bandeau d'argent de la necropole Krsteve pres de Plosek. In: Зборник народног музеја XVII-I. 2001, 403-413.
Nicolescu 1970: C. Nicolescu, Istoria costumului de curte în Țările Române (Bucureşti 1970).

Oța 2007: S. Oța, Plăcuțe de diademă de pe teritoriul României (secolele XII-XV). SCIVA 58, 1-2, 2007, 117-156.
Pîrvulescu 1999: P. Pîrvulescu, Tezaurul feudal de la Ernesthaza (Banatski Despotovac), secolele XIV-XV. AB II, 1999, 233-241.
Popescu 1970: M. Popescu, Podoabe medievale în Țările Române (Bucureşti 1970).
Popescu 1975: M. Popescu, Iconografia podoabelor medievale. RMM 2, 1975, 61-71.
Rosetti 1972: D.V. Rosetti, Tezaurul de podoabe medievale de la Olteni (Teleorman) si elementele lor bizantine. BMI 41, 4, 1972, 27-39.
Țeicu 1998: D. Țeicu, Banatul montan în evul mediu (Timişoara 1998).
Uzum 1983: I. Uzum, Un tezaur de podoabe medievale descoperit la Macovişte (comuna Ciuchici, județul Caraş-Severin). AMN XX, 1983, 509-523.

Светлана Рябцева, *доктор истории, Центр археологии, Институт культурного наследия, Академия наук Молдовы, бул. Штефан чел Маре 1, MD-2001, Кишинэу, Ресублика Молдова, sveta_earing@mail.ru*